

**Симулякр и симуляция Ж. Бодрийяра в контексте
«постмодернистской чувствительности»**

Как правило, исследование творчества философа осуществляется с позиций синхронии и диахронии. Исследующий пытается выяснить, какое влияние оказали на объект его исследования мыслители прошлого, каково место изучаемых идей в ряду современных мыслителю философских концепций, и, наконец, каким образом творчество данного философа отразилось во взглядах его последователей. Предваряющим эти действия мероприятием и ядром всего исследования является изложение философской системы мыслителя. В случае с Бодрийяром желающий использовать этот ставший уже классическим алгоритм исследования попадает в неоднозначную ситуацию. С одной стороны, на первый взгляд, с обнаружением влияний, которые испытал мыслитель, не может возникнуть никаких затруднений, так как существует произведение «От фрагмента к фрагменту», представляющее собой интервью с философом, в котором он рассказывает о перипетиях своего творческого пути. Однако это только видимость простоты, так как Бодрийяр категорически отрицает наличие прямого влияния чьих бы то ни было идей на формирование его мировоззрения. Он называет целый ряд личностей, далеко не ограничивающийся кругом философов, но включающий также и учёных и деятелей искусства, таких как Барт, Беньямин, Арто, Борхес, Эббот, конечно же, Ницше, и так далее, чьи идеи представляют для него большой интерес и чьи взгляды на мир воспринимаются им как близкие его собственным, но не более того. Применительно к творчеству Бодрийяра он теряет свою актуальность, ведь, во-первых, мыслитель сознательно отказывается смотреть на мир через призму чужих философских систем. По его убеждению, необходимо руководствоваться преимущественно личным опытом: «Какая-то референциальность, безусловно, имеет место всегда. Но она не должна выходить на первый план. Главное – это наше творчество.., и вполне допустимо... заново открывать самые простые вещи, которые, возможно, уже были кем-то открыты» [Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006. С. 78]. Во-вторых, он придерживается той точки зрения, что «утверждение, что у каждого должны быть свои идеи верно лишь в отношении их изложения, ибо идеи циркулируют, их содержание переходит из рук в руки» [Там же].

Что касается момента исследования, связанного с систематическим изложением философских взглядов мыслителя, здесь также возникает некоторое затруднение, ведь философ, по его собственному признанию, не стремится к построению стройной философской системы: «В какой-то момент я ощутил своё родство с Ролланом Бартом, который говорил, что прилагает огромные усилия к тому, чтобы сказанное им воспринимали как таковое, а не в контексте некоего развития его концепции. Поскольку эта позиция мне очень близка, я решил добиваться того же самого. Как бы то ни было, для меня очевидно одно: моя интеллектуальная жизнь вовсе не представляет собой непрерывную кумулятивную историю» [Там же. С. 76]. Сказанное подтверждается тем фактом, что в различных произведениях одни и те же понятия раскрываются по-разному, предлагаются различающиеся теории генезиса одних и тех же явлений и т.п. Например, в произведениях «В тени молчаливого большинства, или Конец социального» и «К критике политической экономии знака» мыслителем высказываются противоположные взгляды на феномен масс. Творческое наследие Бодрийяра насчитывает как минимум три концепции «социального»... Тем не менее есть такие понятия, которые, пусть даже смысл, вкладываемый в них мыслителем с течением времени меняется, проходят через всё его творчество и наличие связи между которыми им неизменно констатируется. Таковы понятия «симуляция», «соблазн», «зло»... Поэтому цель раскрыть понятие «симуляция», поставленная в данной работе, не кажется мне противоречащей целям самого философа. Я не претендую на изложение философской системы Бодрийяра, но, помимо стремления как

можно более полно раскрыть понятие «симуляция», я решаю задачу рассмотреть понятия «соблазн», «зло», «социальное», «массы», «другое» и показать их взаимосвязь, констатируемую самим автором.

Если и нельзя говорить о непосредственном влиянии концепций какого-либо из мыслителей на творчество Бодрийяра, то воздействие на него общей интеллектуальной обстановки, духа времени, можно констатировать однозначно.

Что же в самых общих чертах представляют собой интеллектуальные настроения, господствующие в современной Европе? Это постмодернизм и его критика. Творчество Бодрийяра имеет ярко выраженный постмодернистский характер. Отсюда и специфический набор тем и вопросов, рассматриваемых философом, и соответствующие терминология и методы.

Что такое постмодернизм? Что он отрицает и что утверждает? Что позиционирует как злободневное? В рамках этого идейного течения очень остро ставятся вопросы истины и смысла, отношения реальности и видимости, субъекта и объекта... Постмодерн является радикальной критикой всех предшествующих ценностей, даже больше, он – критика самой идеи ценности. Постмодерн – это констатация отсутствия реальности, сущности и истины и стремление к упразднению субъект-объектной раздвоенности. Мы живём в эпоху радикальной дегуманизации, в том числе и самого человека, который изгоняется из центра мироздания, так как нет больше ни человека, ни мира как системы. Отвечая в духе постмодернизма на главный кантовский вопрос «Что такое человек?», Ж.-Л. Нанси пишет, что «сегодня – то время, когда ответ должен прозвучать так: быть человеком это, по крайней мере, не располагать никакой сущностью... Любой ответ типа "человек – это то-то и то-то, и он должен быть таким-то и таким-то", то есть ответ, претендующий на то, чтобы быть неким гуманизмом, устарел... Нет больше гуманизма, чтобы с его помощью дать ответ, нет ни в одном из способов размышления, до сих пор претендовавших на то, чтобы быть гуманизмом (теология, историзм, марксизм, экзистенциализм, персонализм и так далее)» [Нанси Ж.-Л. Сегодня // Ежегодник Лаборатории постклассических исследований Института философии РАН. М. 1994. С.151].

В рамках постмодернистской мысли происходит переоценка роли языка. Язык начинает мыслиться, в духе Барта, как «обыкновенный фашист». Он ограничивает. Доведение дегуманизации до её логического конца может обернуться отказом от того языка, который заставляет говорить «Я». Бодрийяр разделяет эту идею. «Наше нежелание быть репрезентированными, - утверждает он, - становится всё более сильным, и оно, по-видимому, вышло на тот уровень, когда мы не хотим быть представленными даже в слове, когда нас охватывает искушение оказаться вне языка как системы означивания» [Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006. С. 121]. Однако Бодрийяр видит в языке и противоположный потенциал разрушения системы референции: «Язык принадлежит к числу тех вещей, которые наиболее успешно противостоят ориентированным определённым образом конструкциям, и нам необходимо вернуться к его анаграмматическому использованию. Если мы имеем дело с какой-либо идеей, её надо анаграмматизировать в языке и тем самым лишить статуса идеи» [Там же. С. 95].

В эпоху постмодерна понятие текста начинает мыслиться очень широко. Вся человеческая культура объявляется текстом, или, в соответствии с терминологией Кристевой, интертекстом, то есть диалогом между различными текстами. Любая идея, напрямую не связанная с предметной практикой, в соответствии с постмодернистской парадигмой, является не более чем беспочвенной интеллектуальной конструкцией, выдумкой. Клоссовски высказывает по этому поводу следующие соображения: «Мир стал выдумкой, мир как таковой – лишь выдумка: выдумка означает нечто, о чём рассказывают и что существует лишь в повествовании... религия, искусство, наука, история – столько разных интерпретаций мира, или, точнее, столько вариантов выдумки» [Цит. по: Клоссовски П. Энциклопедия постмодернизма // Грицанов А.А., Можейко М.А. Минск, 2001. С. 362].

Любой рассказ, по идее мыслителя, таким образом, представляет собой мнимое снятие покровов с тайны, которой пропитано всё, точнее, наоборот, попытку эту тайну скрыть.

В этом же ключе мыслит Лиотар. Он называет в качестве важной характеристики постмодернизма недоверие к метарассказам, таким, как религия, наука, история, психология, искусство... Гегелевскую диалектику духа, идею эмансипации личности, идею прогресса и прочие подобные конструкции он называет великими историями. Сегодня, констатирует мыслитель, время распада великих историй, которые уступают место более мелким «историям-рассказам».

Кристева предлагает считать текстом и человеческое сознание. Человеческое сознание – набор стереотипов, результат абсорбции различных культурных явлений, а ведь культура – это и есть текст. Человек – лишь медиум, посредством которого язык создаёт пространство своей игры. Подобный смысл Р.Барт вкладывает в свою концепцию смерти автора. Автор, текст, читатель – единое «бесконечное поле для игры письма» [Цит. по: Ильин. И.П. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. <http://www.philosophy.ru/library/il/8.html>]. Батай высказывается о своей ненависти к идее индивидуальной мысли. Такая мысль, считает он, просто невозможна, каждый из нас «наудачу собирает колоски человеческой субстанции вокруг себя» [Цит. по: Батай Ж. Энциклопедия постмодернизма // Грицанов А.А., Можейко М.А. Минск, 2001. С. 60]. Однако, по Батаю, потенциал человека не ограничивается приобретёнными стереотипами мышления и поведения. Мыслитель признаётся в своём разочаровании в языке: «Язык не оправдал моих надежд, ибо дело обстояло так, что было необходимо выразить в терминах тоски то, что переживалось как безмерная радость и если я выражал радость, выражалось нечто другое, не то, что я переживал, ибо то, что переживалось в определённый момент, было непринуждённостью по отношению к тоске... Язык отстывает, ибо язык образован из представлений, выступающих от имени идентичностей» [Клоссовски П. О симулякре в сообщении Жоржа Батая. <http://www.philosophy.ru/library/bataille/bataille.html>].

В представлениях Клоссовски самосознание индивида формируется в процессе воздействия на волевые импульсы, изначально, с рождения, присущие ему, «языка власти», то есть стереотипов, создаваемых различными социальными институтами. Такое воздействие на человека мыслитель считает неблагоприятным и предлагает проект реабилитации «единичного» перед «всеобщим» посредством «индивидуального усилия», реализуемого в форме литературного опыта трансгрессии. Результатом этого усилия должен стать внутренний прорыв, заключающийся в окончательном преодолении восприятия мира как противостояния субъекта и объекта. Человек должен перестать воспринимать себя в качестве устойчивой и неизменной во времени структуры, но в каждый момент своего существования быть «своим Другим».

Батай выступает с аналогичным призывом выхода за пределы бинарных оппозиций субъекта и объекта, трансцендентного и имманентного... вообще за пределы мысли и языка, за рамки всякого порядка. Подобное возможно, по мнению мыслителя, лишь в переживаниях так называемого «внутреннего опыта»: «Смерть Бога, отняв у нашего существования предел Беспредельного, сводит его к такому опыту, в котором уже ничто не может возвещать об экстериторности бытия, а по сему к опыту внутреннему, суверенному. Но такой опыт, в котором разражается смерть Бога, своей тайной и своим светом открывает собственную конечность, беспредельное владычество предела, пустоту этого преодоления, в котором он изнемогает и изменяет себе. В этом смысле внутренний опыт есть целиком опыт невозможного» [Цит. по: Батай Ж. Энциклопедия постмодернизма // Грицанов А.А., Можейко М.А. Минск, 2001. С. 60].

«Почему надо, чтобы было то, что я знаю» [Батай. Ж. Внутренний опыт. <http://www.philosophy.ru/library/bataille/bataille.html>], – вопрошает Батай. И утверждает далее: «То, чему я учу, – это хмель, это не философия: я не философ, я святой, возможно, просто безумец» [Цит. по: Батай Ж. Энциклопедия постмодернизма / Грицанов А.А., Можейко М.А. Минск, 2001. С. 60]. Весь комплекс постмодернистских идей вкуче с подобными

заявлениями побуждает исследователей творчества постмодернистов проводить параллели между так называемой «постмодернистской чувствительностью» и явлением мистицизма. Причём эти аналогии начали отмечаться далеко не вчера. К примеру, в «Эпистемах» за 2001 год можно найти статью под названием «Мистическая практика: опыт постмодернистского сознания» автора Шуталёвой А. Сами мыслители-постмодернисты высказывались в пользу наличия такого сходства. Работа Сартра, посвящённая Батаю, называется «Один новый мистик».

Однако, на мой взгляд, различий между этими двумя явлениями можно найти не меньше чем сходств. В рамках мистицизма существует множество отличающихся друг от друга течений, среди которых можно найти как созвучные идеям постмодернизма, так и противоречащие им. Так, автор статьи «Философия отчаяния Батая» Ольга Зайцева пишет: «Батай понимает опыт мистически, с той существенной оговоркой, что его мистика не божественно-христианская, а субъективно-человеческая... Автор «Суммы теологии» отказывается признать незнаемым, а значит и целью внутреннего движения, Бога» [Зайцева. О. Философия отчаяния Батая. <http://www.metakultura.ru/vgora/prilog/Batay.htm>]. Если некоторые из мистических учений и соответствующих практик ставят своей целью слияние с Абсолютом или созерцание его, то постмодерному мышлению идея Абсолюта чужда.

Идеи внеценностного существования, отсутствия истины как единственной истины, преодоления субъект-объектной раздвоенности, отсутствия авторитетов, невозможности выражения запредельного средствами языка роняют мистицизм и постмодернизм.

Любопытно и одновременно вполне символично, что существует статья, причём написанная довольно-таки давно, посвящённая сравнению постмодернизма и творчества Кастанеды. Это статья В. Курицына под названием «Искусство смерти», опубликованная в номере «Независимой газеты» за 09.07.92. В духе постмодернизма автор статьи высказывается об идеалах довольно резко: «Любой идеал нацелен на воплощение, чем уже ущемляет интересы ино-идеального. В реальности большинство идеалов склонны не только воплотиться сами, но и совратить других. Очень симпатично, что среди сорочьего гвалта нынешней русской периодики можно услышать голоса людей, утверждающих, что все идеалы нехороши». В отличие от повседневности, где поведение человека регламентируется различными системами стереотипов и ценностей, смерть антитоталитарна. Она пресекает дифференциацию и иерархичность. Таким образом, попытка постмодернизма «остановить суждение» является своеобразным опытом смерти, поэтому и статья названа автором «Искусство смерти».

Из уст героев Кастанеды звучат такие высказывания, под которыми, на мой взгляд, мог бы подписаться практически любой мыслитель – постмодернист. «Настоящий воин не воспринимает ничего как что-либо другое» [Цит. по: Курицын В. Искусство смерти // Независимая газета. 09.07.1992] – идея преодоления субъект-объектного восприятия мира. «Среднему человеку есть дело до того, правильны или неправильны вещи, а воину до этого дела нет» – идея преодоления ценностного мироотношения. «Не думай, вспомнил ты это или выдумал» [Там же] – также идея преодоления оппозиции субъекта и объекта. «У меня нет никакой личной истории. Однажды я обнаружил, что не нуждаюсь в личной истории и так же, как пьянство, бросил её» [Там же] – идея возможности дискретного, фрагментированного восприятия.

Наличие представления об особенностях «постмодернистской чувствительности» значительно облегчает понимание бодрийеровской концепции симуляции. Слово «симулякр» происходит от латинского «*simulacrum*», что переводится как призрак, образ, подобие. В рамках эпохи постмодерна этот термин был введён в употребление Батаем в контексте его теории «внутреннего опыта». До этого же он использовался лишь Платоном для обозначения копии копии. Над понятием «симулякр» рефлексировал также Пьер Клоссовски, однако в том, каким содержанием следует его наделять, Клоссовски полностью солидарен с Батаем. Батай связывает с существованием симулякра как инструмента «раскрытия» понятий и упразднения идентичностей единственную возможность передачи

«внутреннего опыта». В работе «Симулякр в сообщении Ж. Батая» Клоссовски, излагает батаевское видение симулякра следующим образом: «Симулякр есть то, что мы можем знать об опыте; понятие в этом отношении есть лишь жалкий отброс, взывающий к другим отбросам... Симулякр есть совершенно другое интеллигибельно понятийного сообщения: это сообщничество, мотивы которого не только не поддаются определению, но и не пытаются самоопределиться... Выраженная в симулякре мысль неизменно предполагает особую восприимчивость собеседника» [Клоссовски П. О симулякре в сообщении Жоржа Батая. <http://www.philosophy.ru/library/bataille/bataille.html>]. Таким образом, единицей симулякра, по Батаю, является слово во всём богатстве его коннотативных возможностей, употребляемое в речи, призванной выразить индивидуальный опыт человека. Несмотря на то, что, в отличие от понятия, за которым закреплено чёткое общеобязательное определение, в слово-симулякр каждый вкладывает сугубо индивидуальный смысл, каким-то непостижимым образом взаимопонимание между субъектами коммуникации оказывается возможным. Всё дело в том, - убеждены Батай и Клоссовски, - что на самом деле подобная коммуникация вовсе не предполагает взаимопонимания, но поддерживается его иллюзией. В самом деле, для нас априорной формой является уверенность в том, что мы поняли именно то, что хотел донести до нас собеседник, и что определённые слова у него связаны с теми же представлениями, что и у нас. Вслед за вопросом «Почему должно быть то, что я знаю?» [Батай Ж. Внутренний опыт. <http://www.philosophy.ru/library/bataille/bataille.html>], Батай мог бы задать вопрос: «Почему должно быть так, что я кого-то понимаю?». Чётко определённые понятия же, по мнению мыслителя, являются самой большой фикцией, так как посредством их создаётся систематизированная идеальная реальность, не имеющая уже ничего общего с непосредственным опытом. Давая определение понятиям, мы лишь произносим слова о словах. Понятие – это то, что лишает нас опыта немислимого.

Бодрийяр демонстрирует те же устремления, что и подавляющее большинство мыслителей постмодерна, в том числе Батай. Он также постулирует необходимость в реабилитации непосредственного опыта при помощи языка и искусства: «Реальное обнаруживает себя как совокупность – его принципом является принцип целостности. И устранение, рассеивание реальности осуществляется... благодаря деструктуриации. Именно с её помощью мы попадаем туда, где вещи открываются нам напрямую...» [Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. Екатеринбург, 2006. С. 138], и «задача искусства состоит исключительно в том, чтобы подвести язык к работе в режиме сингулярности... В какой-то мере речь здесь идёт о работе художественного, которую я в своё время назвал работой по поэтическому изменению ситуации» [Там же. С. 157].

Однако Бодрийяр понимает симуляцию гораздо шире, чем это делает Батай. Действительно, деструктуриация реального, по Бодрийяру, осуществляется посредством симулякра, но и противоположный процесс также подводится мыслителем под категорию симуляции. Сразу стоит сделать оговорку, что между понятиями «симулякр» и «симуляция» существует лишь та разница, что симуляция – это процесс, а симулякр – результат этого процесса. При этом мы всегда видим лишь результат, а процесс неуловим. То, что Клоссовски называет выдумкой, а Лиотар метарассказом и историей – рассказом, в творчестве Бодрийяра носит названия симулякра. Итак, принцип реальности, принцип истины, принцип удовольствия, принцип свободы – симулякры. Религиозная, научная картина мира, различные трактовки событий, предлагаемые историей, – симулякры. Так называемые «политическое», «социальное» и «экономическое» – также не более чем продукты симуляции. Этот список может быть продолжен.

В концепции Бодрийяра понятие симуляции тесно связано с понятием соблазна. «Мы в любом случае живём посреди бессмыслицы, - утверждает мыслитель, - но симуляция – её разочарованная форма, а соблазн – очарованная» [Бодрийяр Ж. Соблазн. М., 2000. С. 310]. То есть симуляция – это высказываемое, демонстрируемое, демистифицируемое, а соблазн – это вызов, чистое правило. Однако на самом деле содержание и взаимодействие этих понятий несколько более сложное. В рамках даже одного единственного произведения «Соблазн» в

отношении взаимосвязи данных двух явлений высказываются идеи, на первый взгляд, противоречащие друг другу. Синтез же этих идей даёт картину, в рамках которой понятия соблазна и симуляции являются взаимопроникающими.

В произведении «Соблазн» Бодрийяр выделяет три фундаментальных логики существования человека и человеческих общностей. Первая логика – это логика правила. Она имеет место в основном в рамках первобытных обществ с их ритуальным строем жизни, любая игра, за исключением компьютерной, подчиняется ей. Логика правила – это логика соблазна. В соответствии с вышеприведённой цитатой, оно должно бы подчиняться только ей. Однако, описывая борхесовскую лотерею, которая, Бодрийяр называет симулякром и её. Дело в том, что результатом развёртывания логики соблазна, по Бодрийяру, является также симулякр. Но как разделить симулякр и симуляцию, как отделить процесс от результата?.. Вторая логика – это логика закона. Она реализуется в виде моделей мира, создаваемых религией (понимаемой именно как восстановление связи с трансцендентным) и наукой. Эта логика зиждется на принципе реальности. Понятие истины может существовать только в рамках логики закона.

В главе «Дуальное, полярное, дигитальное» работы «Соблазн», противопоставляя соблазн производству как симулятивному процессу, Бодрийяр утверждает, что «нет ничего менее соблазнительного, чем идея социального, это нулевая степень соблазна». Но ранее, в главе «Seducere / Producere», пишет: «дискурс антиобольщения есть просто последняя метаморфоза дискурса обольщения» [Там же. С. 92]. И далее в главе «Священный горизонт видимостей» говорит: «Всякий смысловой дискурс желает положить конец видимостям: вот его приманка и его обман. Но также абсолютно невозможное предприятие: дискурс неумолимо...вовлекается в игру обольщения, и значит, подчиняется неизбежности своего провала как дискурса... И если даже он сам этого не делает, то за него это сделают другие» [Там же].

Бодрийяр различает власть и могущество. Основой власти, по его мнению, является владение симулированным пространством. Власть стремится стать необратимой, но это ей не удаётся, так как есть нечто, куда более могущественное, чем она сама. Это сила соблазна. Собственно говоря, власти как одностороннего силового отношения вообще нет, но есть власть как вызов – доказать, что она имеет право на существование: «Соблазн точно не относится к строю реального. Он никогда не принадлежал к строю силы или силовых отношений. Но как раз поэтому он обволакивает весь реальный процесс власти, как и весь реальный строй производства, этой непрерывной обратимостью и дезаккумуляцией – без которых не было бы ни власти, ни производства» [Там же. С. 106].

Стало быть, в творчестве выдумок и метарассказов участвуют в равной степени и симуляция, и соблазн. Исходя из вышеприведённого высказывания мыслителя, и соблазн, и симуляция, по Бодрийяру, – это процессы, однако второй является более фундаментальным. Но здесь опять возникает некоторая нестыковка. Как уже говорилось, симулякры существуют и вне логики реальности и власти, они также возникают в процессе соблазна (Бодрийяр действительно называет соблазн процессом: «Соблазн – это круговой, обратимый процесс» [Там же. С. 99]). Но если симуляция – это процесс, а симулякр – результат, как можно отделить одно от другого? На мой взгляд, то, что понимает под соблазном Бодрийяр, больше похоже на принцип, а симуляция является реализацией этого принципа. В результате возникают симулякры. Собственно, симулякр – это всё что угодно вне сферы практики. Находясь в этой сфере, ещё можно говорить о принципе объективности как о принципе практической реализуемости. Вряд ли кто-то станет спорить, что падение тяжёлого предмета с большой высоты на твёрдую поверхность сопровождается звуком, или что результатом сильного пореза является кровотечение.

В некоторых своих работах, в частности в произведении «Символический обмен и смерть», Бодрийяр использует термин «гиперсимуляция», который он употребляет в платоновском смысле (Платон называл симулякром копию копии). Гиперсимулякр – это симулякр симулякра, пародия на реальность. Именно в этом смысле употребляется термин

«симуляция» в вышеприведённой цитате. Мы, по Бодрийяру, живём в эпоху гиперсимуляции. В качестве примеров гиперсимулякра могут быть приведены так называемая обманка и порнография: «Симуляция разочарованная: порнография – правдивей правды – вот апогей симулякра. Симуляция очарованная: обманка – лживей ложного – вот тайна видимости» [Там же. С. 116]. Порнография – это максимум раскрытости и отсутствия тайны. Обманка же, представляющая собой «артефакты, изолированные объекты вне своего референциального контекста, возведённые вертикальным фоном в чистые знаки» [Там же. С. 116] – это ирония избытка реальности. Величайшим гиперсимулякром современности является Америка.